

УДК 821.161.1 (Чехов)

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В «МАЛЕНЬКОЙ ТРИЛОГИИ» А. П. ЧЕХОВА

Шустикова Ю.Н.

Магистрант, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

Русская литература дает богатый материал для размышлений о коренных свойствах национального характера, о сложившихся стереотипах в представлениях о русском человеке. «Маленькая трилогия» Чехова традиционно рассматривается в чеховедении с точки зрения темы «футлярности», отчуждения человека. Мы же попытаемся проанализировать рассказы Чехова в аспекте национальной проблематики, рассмотрев, какие качества русской ментальности привлекают внимание Чехова. На наш взгляд, «футлярность» корнями уходит в такое известное явление как «обломовщина». В процессе анализе рассказов выявляются три основных качества русской ментальности, на которые обращает внимание автор: инфантилизм, максимализм (крайние проявления всепоглощающей страсти, склонность отдаваться одной-единственной страсти) и замороженность идеалами (что обусловлено осознанием трагического конфликта между идеалом и действительностью).

Ключевые слова: Чехов, «Маленькая трилогия», национальная ментальность, русский национальный характер

TO THE QUESTION ABOUT THE RUSSIAN MENTALITY IN "SMALL TRILOGY" BY A. P. CHEKHOV

Shustikova Yu.N.

Undergraduate, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

Russian literature gives a rich material for reflection on the indigenous features of the national character, of the prevailing stereotypes in the perceptions about the Russian man. Chekhov's "Little trilogy" was traditionally viewed as a footnote from the point of view of a topic "footnote", the alienation of man. We try to perform Chekhov's stories in the national perspective, by examining what qualities the Russian mentality attracted the attention of Chekhov. In our view, "footnote" is rooted in a well-known phenomenon as "oblomovism". During the analysis of the stories identified the three main qualities of the Russian mentality, which draws the attention of the author: infantilism, perfectionism (extreme forms of all-consuming passion, a tendency to surrender to just one passion) and the charm ideals (due to awareness of the tragic conflict between the ideal and reality).

Key words: Chekhov's "Little trilogy", national mentality, Russian national character

Тема русской национальной ментальности или русского национального характера сложна и многоаспектна, изучается разными науками – историей, философской антропологией, социальной философией, политологией, культурологией, закономерно привлекает к себе внимание и литературоведов, филологов. Проблема национальной ментальности отразилась в произведениях многих русских классиков, каждый из писателей заострял внимание на каких-то определенных чертах и свойствах русской психологии, типичных чертах нации. Особенно остро, на наш взгляд, вопрос о русском национальном менталитете был поставлен Чеховым в зрелом творчестве, особенно в «маленькой трилогии» (куда входят рассказы «Крыжовник», «Человек в футляре», «О любви»).

Обратимся вновь к чеховскому письму, адресованному Д. В. Григоровичу: «В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться...» [51, с. 190]. Чехов обратил внимание на важную особенность русского

менталитета: пространственный географический простор России рождает широту русской души и безмерность, что приводит, с одной стороны, к вольнолюбивым устремлениям, с другой, к бесформенности, нечто общее, характерное для русской культуры вообще.

Многие писатели и философы связывали с русским простором такое свойство русского национального характера как максимализм, любовь к крайностям. Максимализм русской души хорошо показал А.К. Толстой в стихотворении «Коль любить, так без рассудку»

«Маленькую трилогию» Чехова в чем-то можно сравнить с книгой «Записки охотника» И. С. Тургенева. «Записки охотника» воссоздают эпическую картину жизни России дореформенного периода. По форме «маленькая трилогия» напоминает тургеневские записки путешественника-наблюдателя. Рассказы в обоих произведениях объединяются общими героями: у Тургенева это охотник, у Чехова – Буркин и Иван Иванович Чимша-Гималайский.

Жизнь провинциальной России предстает перед нами: маленький город, имение становятся местом действия. Тургенев показал русский народный национальный характер на примере образов крестьян. Понятие «народ» отождествлялось в первой половине XIX века с крестьянством. На рубеже XIX-XX веков для Чехова народ означал и крестьян, и интеллигенцию, все демократическое население России, в противоположность власти имущим. Тема интеллигенции – центральная в творчестве писателя, на примере образов интеллигенции Чехов и обращается к проблемам русского национального характера.

Одним из претекстов чеховской «маленькой трилогии» можно считать роман Гончарова «Обломов». Отношение Гончарова к изображенной в романе тихой, немудреной жизни-сну обломовского уголка и к самому Обломову, к Агафье Матвеевне было проникнуто грустью и теплотой. Хотя Гончаров прекрасно понимал, что «обломовская идиллия» невозможна, и как верно замечает Ю. Манн, писатель осознает, что «все это односторонне, анахронично и расходится с основным течением жизни, да и с жизнью вообще», но все-таки он еще искренне сочувствует своим героям. Особенно ощущается авторская любовь к Обломову, к его «хрустальной, прозрачной душе», к «честному, верному сердцу».

На рубеже XIX-XX веков для России началась новая, кризисная эпоха; бурная смена общественных формаций породила необходимость переоценки старой системы ценностей, новой постановки старых вопросов в литературе.

Чехов во многих своих произведениях заостряет внимание читателя на самых крайних, негативных проявлениях «обломовщины» как социальном и психологическом феномене, как воплощении некоторых особенностей русского менталитета. Интересно, что

на рубеже веков в похожем же ключе осудил «обломовщину» известный литературный критик Ю. Айхенвальд: «То мертвое озеро жизни, которое характеризуется страшным словом «обломовщина» (ведь она страшна, эта тина, засасывающая живых людей), то зло бессилия, беспомощности и равнодушия, которое укладывает людей в «простой и широкий гроб» сонного прозябания – это зло Гончаров взял в самом обыденном проявлении» [2, 238].

Неприязнь к «обломовщине» объяснялась в немалой степени личными качествами Чехова. М. Горький вспоминал, что Чехов был «не очень русский», потому что редко кто в России, как он, «чувствовал бы значение труда как основания культуры, так глубоко и всесторонне» [1, 140].

Особенно ярко, на наш взгляд, чеховское неприятие обломовщины проявилось в «маленькой трилогии».

Первым у писателя созрел замысел рассказа «Крыжовник», история жизни чиновника, бессмысленно потраченной на приобретение собственной усадьбы. Начиная рассказ о своем брате, Чимша-Гималайский вспоминает ряд историй о чудаках, любивших деньги: «Деньги, как водка, делают человека чудаком. У нас в городе умирал купец. Перед смертью приказал подать себе тарелку меду и съел все свои деньги и выигранные билеты вместе с медом, чтобы никому не досталось. Как-то на вокзале я осматривал гурты, и в это время один барышник попал под локомотив и ему отрезало ногу. Несем мы его в приемный покой, кровь льет – страшное дело, а он всё просит, чтобы ногу его отыскали, и всё беспокоится; в сапоге на отрезанной ноге двадцать рублей, как бы не пропали» [9, 59].

Его собеседник, Буркин, считает, что эти случаи «из другой оперы». Однако маленькие истории-микросюжеты имеют непосредственное отношение к главной сюжетной линии рассказа «Крыжовник». В них описываются крайние проявления всепоглощающей страсти в самых разных формах, то есть определенные формы максимализма. Страсть к деньгам «съедает» человеческую душу и жизнь. Мечта Николая Ивановича о жизни в собственной усадьбе превращается в идею-страсть, пожирающую его: в набросках к рассказу герой даже умирал от рака желудка.

Иван Иванович интуитивно чувствует, что рассказанная им история о жизни брата имеет обобщенный смысл. Неслучайно он склоняется к самым широким обобщениям: «Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение, самое наглое» [9, 61]. Таким образом, можно утверждать, что авторская творческая мысль несомненно затрагивает проблему русского национального характера. Склонность отдаваться одной-единственной страсти – это проявление русского максимализма.

Известный русский мыслитель Н. О. Лосский заметил: «даже малозначительные ценности, например, накопление собственности, могут у людей с сильной волей стать предметом всепоглощающей страсти». Николай Иваныч – герой-максималист, подчинивший свою жизнь и жизнь своих близких заветной мечте, страсти, превратившей его жизнь в ничто.

Не свободен от максимализма и старший брат, Иван Иваныч Чимша-Гималайский. Герой определяет метафорически два пути формирования общества: «перескочить через ров или построить через него мост» [9, 64]. Иван Иваныч, очевидно, готов выбрать второй путь: у него нет сил ждать, путь постепенного преобразования общества не для него.

Подчинение своей жизни одной страсти, свойственное русскому характеру, соотносится и с другой национальной психологической чертой: с безоглядным стремлением к идеалу-иллюзии. Современный философ М. К. Мамардашвили говорил о том, что «шариками, вгоняющими нас в гипнотический сон мысли, в глубокий интеллектуальный обморок, является блеск заоблачных идеалов, блеск тайного и далекого знания. Они подавляют нас, подчиняют себе наши мысли. Личность, с застывшим в дальней выси взглядом, спит» [5, 194].

Николай Иваныч выдумывает себе идеал в соответствии со своими банальными приземленными представлениями о счастливой жизни: «идеальную», сытую жизнь в деревне, символом которой становится крыжовник. Это предел его желаний, представление о счастье и покое, для него – высокая прекрасная мечта. У его брата подобная счастливая жизнь, культивирующая сытость и эгоизм, вызывает раздражение и отчаяние. Так мнимый идеал, иллюзия подменяет подлинную человеческую жизнь и не дает ей осуществиться. Чеховский герой словно законсервировал в юности свою жизнь, отказавшись не только от житейских радостей, но и от самого себя в настоящем, мечтая о себе только в будущем. По выражению М. К. Мамардашвили, «перескочил через время развития самого себя» [5, 209], отказался от главного труда своей жизни: самореализации в настоящем. «Нужно решиться на труд жизни, ибо только это и есть свобода; решиться в истории, реальности, и в малых делах, и в больших» [5, 210].

В рассказе «Крыжовник» Чехов затрагивает и проблему русского инфантилизма, духовной незрелости. Николай Иваныч жадно ест крыжовник «с торжеством ребенка, который наконец получил свою любимую игрушку» [9, 61]. Русский менталитет сложился в эпоху традиционализма и нес на себе отпечаток патриархальных детско-родительских отношений. Николай Иваныч поступает как ребенок, снимая с себя ответственность за собственную жизнь, прожитую совершенно бессмысленно, по сути, ради каприза. Выбирая замкнутое существование, чеховский герой выбирает состояние уюта и защищенности,

«эмбриональное состояние, <...> к которому склонялась вся традиционная русская культура» [5, 346].

Страдает инфантилизмом и Иван Иванович, наивно полагающий, что решительными мерами можно в один миг («волшебным образом») изменить психологию человека и образ его жизни, его ментальность. «Для русского человека жизненная неустроенность является перманентным явлением, но она не воспринимается как нечто ограничивающее его способность к жизнеутверждению, поскольку последняя основывается на высоких духовных идеалах. Эта вера в светлое будущее обесценивает существующее настоящее, приводит к перечеркиванию уже достигнутого, шатанию из одной крайности в другую» [7, 156].

Представление Чехова об особенностях русской ментальности нашло свое отражение и в рассказе «О любви». Вслед за Т. Б. Зайцевой [См. 4] мы рассматриваем главного героя рассказа Алехина, как героя, замороженного своим идеалом.

Алехин – романтик по мировосприятию, возможно потому, что его жизнь погружена в хозяйственные заботы, весь день он проводит в трудах, а душа требует возвышенного. Своему образу жизни он противопоставляет романтическое высокое чувство. Как в свое время у гончаровского Обломова существовало представление об идеальном герое любовного романа, подобное представление есть и у чеховского героя. Настоящий герой любовного романа должен быть обязательно выдающейся личностью (исключительным героем в исключительных обстоятельствах), в духе «новых героев» Тургенева, например, Инсарова или, на худой конец, Рудина. Любовь должна длиться вечно и гармонировать с жизнью духа.

Такой была любовь Алехина в самом начале знакомства с возлюбленной. Впечатления героя были связаны с идеализированными воспоминаниями о его собственной матери, о его детских тайнах, с ощущением открытия нового прекрасного мира [См.: 4, 85]: «Я видел женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллигентную, обаятельную, женщину, какой я раньше никогда не встречал; и сразу я почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти приветливые, умные глаза я видел уже когда-то в детстве, в альбоме, который лежал на комодке у моей матери» [9, 69].

Известное итоговое высказывание Алехина, которое нередко называют прозрением героя: «Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе» [9, с. 74], – свидетельствует не только о неоднозначности жизненных итогов героя, но и заставляет задуматься, было ли это прозрение подлинным. Ведь оно нисколько не подтолкнуло героя к действиям, направило его не в будущее, а в *прошлое*.

Парадокс заключается в том, что Алехин исходил именно от «высшего, более важного, чем счастье или несчастье», т.е. от своего идеала, идеала любви-воспоминания. [См.: 4, 82-87].

Безусловно, осознание конфликта между идеалом и действительностью свойственно не только русской ментальности [См. 3]. Однако русская ментальность ощущает этот конфликт в наиболее трагических формах. Ещё Писарев считал, что хотя «мысль И. А. Гончарова, проведенная в его романе, принадлежит всем векам и народам, но имеет особенное значение в наше время для нашего русского общества» [6, 70].

Один из исследователей интуитивно пишет о том, что в «маленькой трилогии» «представлены три типа русских интеллигентов <...>. Искусный рассказчик Буркин — тип робкого влюбленного и едва ли не тайного провокатора трагических событий (смерть Беликова); искусный рассказчик Иван Иванович, ненавидящий всех, предстает оратором грядущих социальных потрясений; искуснейший из рассказчиков, которого слушают не прерывая, Алехин, <...>, не заметил, что «красивая, интересная жизнь» открывалась для него в возможности так и не совершенных им гражданских поступков» [10, 19].

На наш взгляд, в трех типах интеллигентов, описанных А. П. Чеховым, представлены основные амбивалентные качества русской ментальности: инфантилизм, максимализм и замороженность идеалами.

Литература:

1. А. П. Чехов: pro et contra / Сост., предисл., общ. ред. И. Н. Сухих ; послесл., примеч. А. Д. Степанова. — СПб. : РХГИ, 2002. — 1072 с. — (Русский путь).
2. Айхенвальд, Ю. И. Чехов // А. П. Чехов: proetcontra / Сост., предисл., общ. ред. И. Н. Сухих ; послесл., примеч. А. Д. Степанова. — СПб.: РХГИ, 2002.
3. Абрамзон Т.Е., Зайцева Т.Б., Рудакова С.В. Романтическая концепция красоты в рассказе А.П. Чехова «Красавицы» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №2 (52). С. 343-355.
4. Зайцева, Т. Б. Чехов и Киркегор о любви-воспоминании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — №5 (16). — Тамбов: Изд-во «Грамота», 2012. — С.82-87.
5. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию. — М.: «Прогресс», 1992.— 416 с.
6. Писарев, Д. И. «Обломов». Роман И. А. Гончарова // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. — С. 68-83.
7. Смирнов, С. В. Русский характер: взаимосвязь национального самосознания и стратегии реформирования современной России // Исторические, философские, политические и

юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 3 (29): в 2-х ч. Ч.1. — С. 155-158.

8. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т.; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д. Д. Благой, Г. А.

Бялый, А. С. Мясников, Л. Д. Опульская (зам. гл. ред.), А. И. Ревякин, М. Б. Храпченко. — Т. 2. Письма, 1887 — сентябрь 1888 / Тексты подгот. и примеч. сост. Н. И. Гитович, А. М. Малахова, Н. А. Роскина; Ред. второго тома Л. Д. Опульская. — М.: Наука, 1975. — 584 с.

9. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т.; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д. Д. Благой, Г. А. Бялый, А. С. Мясников, Л. Д. Опульская (зам. гл. ред.), А. И. Ревякин, М. Б. Храпченко. — Т.10. [Рассказы, повести], 1898-1903 / Текст подгот. и примеч. сост. М. П. Громов, Л. М. Долотова, В. Б. Катаев, А. С. Мелкова, Л. Д. Опульская, Т. И. Орнатская, Т. В. Ошарова, Э. А. Полоцкая, А. П. Чудаков; Ред. тома Н. И. Соколов. — М.: Наука, 1977. — 496 с.

10. Шацев, В. Н. Маленькая трилогия А. П. Чехова: литературная традиция XIX века и проблема рассказчика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — СПб., 2010. — 32 с.